

МОРИНА Лариса Павловна / Larisa MORINA

| Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма |

МОРИНА Лариса Павловна / Larisa MORINAРоссия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский Государственный Университет.
Философский факультет. Кафедра культурологии.
Доктор философских наук, ст. преподаватель.Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.
Department of Cultural Studies, PhD in Philosophy, Senior Lecturer.larisa-morina@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧУЖОГО В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Статья посвящена исследованию парадигмальных оснований концептуализации Чужого в аспекте проблемы мультикультурализма. В ней анализируются две версии социокультурного бытия (Модерна и Традиции), противопоставленные друг другу в современном поликультурном пространстве, и рассмотрены возможности их сосуществования (диалога) с учетом их базовых характеристик. В статье дана попытка применения метода парадигмального анализа к решению конкретных проблем межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: мультикультурализм, концептуализация чужого, парадигма чужое, чуждое, свое, о-своенное другое, иное, модерн, традиция, диалог

Conceptualization of the Alien from the Aspect of the Problem of Multiculturalism

The article is devoted to the research of paradigmatic principles in the conceptualization of the Alien from the aspect of the problem of multiculturalism. It analyzes two opposing versions of the social and cultural being (Modern and Traditionalist) in contemporary multicultural society, and discusses the possibility of their coexistence (dialogue), with regard to their basic characteristics. The article presents an attempt to use the method of paradigmatic analysis for solving specific problems of multicultural interaction.

Key words: multiculturalism, conceptualization of the Alien, paradigm, other, alien, self, own, different, modern, tradition, dialogue

Бурные миграционные процессы, межэтнические и межкультурные конфликты в современном мире актуализировали проблему мультикультурализма. Существующая философская концепция классического либерализма, которая определяла культурнополитические стратегии европейских стран до недавнего времени, исходит из установки на право каждого гражданина жить по его собственным понятиям. «Либеральные режимы отличает приверженность принципу «распыления» власти и терпимое отношение к иным убеждениям — консервативным, социалистическим, фашистским, теократическим или просто антилиберальным (курсив мой — Л. М.). Если либеральная традиция готова принять все, что угодно, то это происходит потому, что для нее основополагающее значение имеет толерантность, а толерантность предусматривает готовность мириться с тем, что вам не нравится»¹. Основная задача идеологии классического либерализма — обеспечение наибольшего пространства для межкультурного и межэтнического

диалога. Но совсем недавняя история дает основания для вывода о том, что диалог «не пошел». После трагедии 11 сентября 2001 г. в США и последующей серии терактов, организованных исламскими экстремистами по всей Европе, культурологи все-таки занялись аналитикой концептуальных предпосылок своих программ. Известный немецкий публицист и писатель Ральф Джордано сегодня утверждает, что мультикультурный мир испытывает кризис по причине того, что в нем сосуществуют принципиально несовместимые культурные системы, такие как иудео-христианская традиция, сформировавшая культурный ландшафт Европы, и исламская, которая, согласно его оценке, невосприимчива к ценностям западной цивилизации и пребывает в глубокой патриархальности².

Известно, что ведущие лидеры европейских стран сегодня заявляют о несостоятельности разработанных ими стратегий межкультурного взаимодействия. Так, в октябре 2010 года Кан-

¹ Чандрен Кукатас. Теоретические основы мультикультурализма. <http://inliberty.ru/library/study/327/>

² Ralph Giordano. Nicht die Zuwanderung, der Islam ist das Problem! <http://www.welt.de/debatte/kommentare/article10238861/Nicht-die-Zuwanderung-der-Islam-ist-das-Problem.html>; <http://lenta.ru/news/2010/10/13/giordano/>

МОРИНА Лариса Павловна / Larisa MORINA

| Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма |

цлер ФРГ Ангела Меркель заявила о полном провале попыток построить мультикультурное общество в Германии. Премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер провозгласил: «Мультикультурализм мертв». И не менее радикальные утверждения содержатся в открытом письме уже упомянутого Ральфа Джордано по поводу заявления президента ФРГ Кристиана Вульфа: «политический и воинственно настроенный ислам невозможно никуда никак интегрировать, да и «обычный» ислам более чем достаточно проблематичен»³. Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон также негативно оценивает политику мультикультурализма в своей стране: *толерантность, основанная на невмешательстве в дела тех, кто отвергает западные ценности, себя не оправдала*. Но при этом Д. Кэмерон, в отличие от Р. Джордано, проведет четкую грань между исламом и идеологией исламского экстремизма и делает более «мягкие» выводы⁴.

На самом ли деле «мультикультурализм мертв», и какова альтернатива ему в поликультурном мире, в какой степени совместимы фундаментально отличные друг от друга версии социокультурного бытия? Эти и другие вопросы предстоит решить теоретикам культуры. Такие фундаментальные проблемы, как концептуализации «чужого» и герменевтика чуждости, безусловно, актуальны, поскольку обращены к базовым предпосылкам социокультурных репрезентаций.

В данной статье речь пойдет в основном о двух парадигмах культуры — традиционной (ее называют также «премодерном», или Традицией) и модернистской (или Модерном), которые аналитически противопоставляются по ряду ключевых параметров: *онтологии, антропологии и гносеологии*. Каждая из рассматриваемых парадигм представляет собой структуры, предопределяющие статусы бытия, мира, человека и Другого, а также репертуар возможных практик взаимодействия с Иным. Основная цель данной статьи — тематизация оснований (условий) сосуществования в современной культуре *парадигмально различных* миро-зданий.

Зададимся вопросом, каковы герменевтические аспекты диалога? Как возможно понимание Иного и что происходит с *моим миром*, когда я познаю Иное (иную культуру, иной мир, иной язык и т. д.)? Человек существует способом субъективации объективного мира и формирует свой *мир* как пространство значимого и осмысленного бытия. Этот *мир* («тут-бытие») задает параметры видения, тематизирует то, что обладает относительной объективностью. В понятии «предмет» (*Gegenstand*), «пред-мет», или «пред-стояние», заложена предпосылка опосредования мировосприятия субъективной обусловленностью. У. Эко в русле традиции, идущей от М. Хайдеггера, пишет: «Главный вопрос в том, кто говорит? Или так: кто этот тот, кто думает во мне? «Кто же этот другой, к кому я привязан сильнее, чем к самому себе, ибо в самой потаенной глубине самого себя, там, где происходит самоотожествление, я нахожу не себя, а его, меня подталкивающего»⁵.

Сам этот *мир* не может быть тематизирован, потому что «не существует такой позиции вне языкового опыта мира, которая позволила бы сделать предметом рассмотрения сам этот

опыт»⁶. *Высказывание включено в жизненный опыт* и является одной из его форм. «Что является жизненным, то в действительности никогда по-настоящему не познается предметным сознанием, напряжением разума, который стремится проникнуть в закон явлений... Напротив, единственный способ постичь жизненное — это постичь его изнутри... Жизнь можно испытать только способом самоощущения, погружения вовнутрь, собственной жизненности»⁷. Принцип соответствия жизни и самосознания, утвержденный Гегелем, установка на «постижение исходя из жизни» В. Дильтея послужили плодотворной методологической директивой для наук о духе. Э. Гуссерль определил бытие-в-мире через проблему интенциональности и горизонта трансцендентального сознания, а М. Хайдеггер, взрывая субъективизм новейшей философии, — как проблему абсолютной временности и историчности существования. Экзистенциальный анализ определяет *понимание* как способ бытия человека, как его изначальную бытийную характеристику.

Для Хайдеггера историческое сознание не есть проекция вовне целеполаганий, установок и предрассудков субъекта, но, наоборот, — утверждение того, что любая вещь, которая входит в пространство восприятия, уже принадлежит человеческому способу бытия и обретает внутри него свой смысл. Ничто не является «онтическим», «наличным» само по себе, но обретает полноту своего бытия только в пределах историчности сознания субъекта, которая есть, в свою очередь, предпосылка и условие того, что мы можем воспринимать происходящее. Одна из значительных заслуг М. Хайдеггера состоит в онтологической радикализации, в утверждении того, что вне целостности экзистенциальной структуры (куда относятся все конкретные обстоятельства бытия, нравы и традиции и т. д.) не существует ни понимания, ни истолкования каких-либо событий и форм жизни.

Люди, воспитанные в различных культурных традициях, имеют различные *миры*, и любая традиция *от-мирна* и, следовательно, уникальна. Как возможно ее познание? По Гадамеру, взаимодействуя с иными языковыми мирами, мы «преодолеваем предрассудки и границы нашего прежнего опыта мира». Но как при этом возможно удержаться в границах собственного *мира*? Его иллюстративный пример с путешественниками, которые обогатившись новыми знаниями, возвращаются домой, не кажется подходящим в данном случае. Думается, что обогащение знаниями других территорий осуществляется в оптике мировидения самого путешественника. То, что касается его *мира*, предела растяжимости границ, то, вероятно, будет корректнее говорить о ценностных основаниях этого мира и его смысловом стержне. Утрачивая основополагающие принципы, которые не могут быть по своему определению «предрассудками», мой *мир* становится реально иным. С другой стороны, познать иной *мир* можно не иначе, как только поняв его, о-своив в соответствии с требованием экзистенциального метода. Возможно рефлексировать по поводу, например, религиозного мировоззрения, но результатом такого познания будет отвлеченный религиозно-философский продукт, не имеющий отношение к реальному религиозно-мистическому переживанию, составля-

³ Там же.⁴ <http://lenta.ru/news/2011/02/05/multicult/>⁵ У. Эко. *Отсутствующая структура*. — СПб., 1998.⁶ Х.-Г. Гадамер. *Истина и метод*. — М., 1988. С. 524.⁷ Там же. С. 304.

МОРИНА Лариса Павловна / Larisa MORINA

| Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма |

ощему ядро культа. А это означает, что рассматриваемый мир остался непонятым и границы моего сознания расширились лишь на ту его часть, которая вместила предметные «знания» об *ином* или мои представления, обусловленные схематизмом моего мировосприятия. П. Флоренский говорит о познании истины как о пути «само-отрешения» и видит в этом акте «подвиг рассудка», преодолевающего свою «эгоистическую обособленность»⁸.

В данном контексте, думается, будет вполне уместна аналогия с переводом с одного языка на другой. Чем восприимчивее наше историческое сознание, тем острее воспринимает оно неперебиваемость «чуждого». Как говорит Гадамер, перевод не является нормой нашего отношения к чуждому языку. Но это скорее необходимость, которая похожа на утрату собеседниками их самостоятельности. «Там, где требуется перевод, приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведенного на другом языке, — несоответствием, которое никогда не удастся полностью преодолеть»⁹. Ритуально-поведенческие нормативы того или иного социума являются языком в широком смысле слова, физической субстанцией плана выражения целостного отношения к Другому. По Хайдеггеру Бытие не может быть сказано само по себе, но конституирует себя в различиях. Текст является способом самообнаружения Бытия. «Если в диалектике Присутствия и Отсутствия я — на стороне отсутствия, то я могу описывать присутствие, только «показывая» его»¹⁰. Бытие всегда остается за пределами полноты возможной совокупности репрезентативных вариантов, в которых апофатически являет себя «неструктурированная и неструктурируемая безосновность», что в силу его не-присутствия приближает его к своей антитезе, — не-бытию. Понимание языкового (выразительного) характера человеческого опыта является методологической основой исследования любых феноменов социокультурного бытия, и в особенности типов культурных сообществ. Она требуется «переключение зрения» (Л. Витгенштейн) и «умения вслушиваться» и «вопросать» (М. Хайдеггер).

Образы Чужого, как и Своего, являются структурными элементами *мира*. Чужое — это то, что «проходят мимо» (Э. Финк) и что является фоном для избирательной коммуникации. В целях уточнения понятий «иное», «другое», «чужое», «свое» необходимо обратиться к парадигмальным основаниям традиционного сознания, поскольку именно в его архетипических пластах обнаруживаются предпосылки для их развернутой социокультурной манифестации. Это открывает широкие аналитические перспективы. Во-первых, позволяет в истоке идентифицировать «свое» и «чужое», которые релятивизируются на поверхности социокультурного бытия. Во-вторых, позволяет ответить на вопрос, — что принципиально может быть усвоено и переведено из плана «другого» в план «своего», а что при самых изощренных политических и суггестивно-педагогических процедурах фатально предопределено к чуждости. В данной статье термин «парадигма» используется в уже устоявшемся понимании — как совокупность скрытых установок, образу-

ющих глубинный пласт подсознания, который предшествует любой манифестации и качественно ее определяет. Это своего рода *coincidentia oppositorum* всех возможных экспликаций, «предмировозрительная туманность» (А. Дугин), которая выкристаллизовывает из себя мировоззрение и выражается в соответствующей традиции. Так, парадигмальные предпосылки концептуализации *чуждости* и *другости* обретают конкретные очертания в идеологиях, мифах, религиозных доктринах, нравственных принципах, политических институтах и ритуально-поведенческой специфике различных социумов.

Культура Традиции не является достоянием истории. Анализируя ее особенности, мы исходим из того, что она присутствует в современном культурном пространстве и составляет значительную его часть. Традиционный тип культуры является структурной реализацией конкретной версии трансцензуса. Движение к собственному Иному как наивысшей точке смысла — на уровне индивидуальной задачи и на уровне исторического замысла общества в целом, так называемая «онтологическая одержимость» (М. Элиаде) — является фундаментальной характеристикой бытия данного типа общества. Универсальным механизмом трансцензуса выступает инициация, которая осуществляет переход, пересечение границ собственного бытия через экзистенциальное переживание его конечности и объектности. Традиционная идентичность предстает в виде перманентной задачи, обретает черты процессуальности и трансцендентной направленности (*telos*) к Иному. Глубинные ее основания связаны с модальностями сакрального пространства-времени, «местами» (*topoi*) как целью ритуального восхождения и приобщения к тайному знанию. Знание «имени места» означает не только инициацию в соответствующий духовный уровень, но и значимое условие телесной общности людей, воспринимающих его как свою метафизическую задачу. Отсюда, кстати, происходят и «географические» фамилии, в которых выражена данная идентификационная схема.

Вертикально выстроенный мир (а традиционная модель мира вертикальна) называется космосом потому, что, в противоположность хаосу, он структурирован, оформлен единым вектором стремления к сакральному. Такая структуризация обеспечивает стабильное бытие социума, в котором энергия связности элементов превышает внешние воздействия. Эта же особенность формирует и феномен *границы*, которая отделяет Этот мир от Другого и очерчивает облик его целостности. Все, что находится *вне* и за границей *мира*, есть «чужое». Культура создает не только свою внутреннюю организацию, но и формирует свое «чужое», свой тип внешней дезорганизации, с которым она находится в состоянии активного обмена и напряженного противостояния. В мире традиционной культуры компромиссы невозможны, так как всякое Другое является «чужим» и, следовательно, чуждым, т. е. принципиально неприемлемым. Таким образом, «чужое» в рамках традиционной системы — это не просто нечто незнакомое, иное, но *иной мир*, неадаптируемый к собственной системе и, следовательно, определяемый в категориях враждебности и чуждости.

Смыслодвижение в направлении Иного осуществляется не только за границу своего бытия, но и *вдоль Оси мира*, проходящей через его Центр. Можно говорить о двух вариантах

⁸ П. А. Флоренский. Столп и утверждение истины. Ч. 1, С. 147. — М., 1990.

⁹ Х.-Г. Гадамер. Указ. соч. С. 447.

¹⁰ У. Эко. Указ. соч. С. 15.

МОРИНА Лариса Павловна / Larisa MORINA

| Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма |

вертикально осмысленного «иног»: свое «*иное*» и абсолютно «*иное*», или трансцендентное. Такое «*иное*» не является «*чужим*» и тем более «*чуждым*», поскольку познание, срывая покров тайны и разрушая иллюзию обособленности, выявляет субстанциальное единство себя и трансцендентного «*иног*». Экзистенциально понятое познание — это путь универсализации, состоящий в преодолении границ самости и обретении опыта Иного. Таким образом, Иное обнаруживается как опознанное «*свое-иное*». И такое познание востребует человека во всей его целостности: ум есть свойство души, а не разума, и его центр расположен в сердце. «Ведение Бога... является не умозрительным, но экзистенциальным, поскольку богопознание обретает все человеческое существо»¹¹. Отсюда познание — путь инициатического преображения, пере-рождения субъекта и, как таковое, оно сотериологично во всех религиозных системах. Христианский *теозис* является и предпосылкой, и результатом духовного совершенствования: «если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин: 3, 3). Коснувшись Иного всей целостностью своего существа, субъекту невозможно остаться и прежним собой. Инициация к трансцендентно «*иному*» означает одновременно и трансцендирование к «*себе-иному*», так что оба варианта вертикально осмысленного «*иног*» соединяются в пределе.

В парадигме модерна происходят радикальные изменения. Знание обретает самостоятельное, отчужденное от жизни значение и связывается исключительно с интеллектуальной деятельностью субъекта. Пространство и время становятся свойствами объективной реальности или категориями, утрачивают сакральность и качественные различия внутри себя. «*Чужое*» лишается своего метафизического обоснования и сливается с «*другим*», становясь другим или попросту иным культурным опытом, неким новым особенным. Если просветители видели в уникальности этого опыта степень соответствия известной эталонной модели, то поколения гуманистов конца XX в. открыли в нем культурную сверхзначимость. При этом не критично полагалось, что традиционалист одержим таким же пафосом сотрудничества и готов к активному диалогу. Но как оказалось на поверку, диалог не состоялся в основном по причине различий дискурсов собеседников. Для традиционалиста, как уже было сказано, «*иное*» — это другое, но принципиально приемлемое, а значит, потенциально «*свое*»; «*чужое*» — *принципиально* другое, другая *природа*, а потому фатально предопределенная к чуждости.

Современными теоретиками, как и практиками осознан тот факт, что концепция мультикультурализма базируется на упрощенных и редуцированных предпосылках. Уже в самой идеологии модерна, отказавшей трансцендентной реальности в праве гражданства, содержался исток большой проблемы. Тот факт, что религию объявили частным и индивидуальным делом, не значит, что она не может навязать свой тоталитарный дискурс рационалистическому сообществу. Объединяя в мозаичном варианте различные социумы, такая модель культуры чревата внутренними конфликтами, о чем справедливо говорил Р. Джордане.

¹¹ Митрополит Иерофей (Влахос). Православная психотерапия. Свято-отеческий курс врачевания души. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2009. С. 356.

Традиционные типы культур имеют вертикальную структуриацию. Экспликация системообразующей идеи (ценностной доминанты) в социум необходимо тяготеет к нравственно-этическому, ритуально-поведенческому и, в том числе, политическому тоталитаризму. Свежим примером этой неуправляемой интенции является политика исламского руководства Чечни, выразившаяся в принятии закона о «приведении формы одежды сотрудников... организаций в соответствие с нормами служебной и вайнахской этики»¹². С аналогичным предложением о введении общероссийского дресс-кода, регламентирующего внешний вид граждан, выступал, как известно, и глава Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества РПЦ протоиерей Всеволод Чаплин.

Горизонтально ориентированные культурные миры, генетически связанные с проектом Модерна, всецело разделяют мультикультурацию как логически безупречную модель современного общества. Основная сложность заключается лишь в том, как упаковать в это прокрустово ложе то, что *не умещается* в него, поскольку есть нечто, что *не уменьшается до* минимальных (а фактически максимальных) требований либеральной демократии. Действительно, требования либерализма (естественных прав граждан, свободы слова, совести, гендерного равенства и т. д.) работают против основополагающих принципов традиционных систем. Так, например, исходное правовое требование либерализма о равенстве прав всех меньшинств, в том числе и сексуальных, совершенно неприемлемо для ортодоксального христианства, ислама и ряда других конфессий. И не в силу косности и инертности традиционного сознания, а ввиду несовместимости с фундаментальными антропологическими и метафизическими принципами их религий. Аналогичным образом обстоит дело и с равноправием женщины, которая в традиционной метафизике является ино-бытием мужчины, а потому не обладает собственным, автономным бытийным статусом. Соответственно, принуждение к равноправию воспринимается как апокалипсическое разрушение универсума и вызывает естественную протестную реакцию. Замечательные образцы обыденного догматического сознания можно найти на любых религиозных сайтах. Вот, к примеру, выдержка из одного частного объявления с православного сайта знакомств (стилистика оригинала): «*милые девушки!* хочу обратить ВАШЕ внимание на ТО, что это не магазин или ресторан! где заказывают блюда по своему вкусу!!! и МУЖ — это семья, был, есть и будет! так определил БОГ! СОСРЕДОТОЧЬТЕ СВОИ усилия на СМИРЕНИИ!!!! МОЛИТВЕ!!! БОГ — гордым противится, а смиренным дает БЛАГОДАТЬ!...» и т. д.

По существу, ценности либерализма принципиально неприемлемы для всех традиционных систем. Центральным пунктом разногласий является утвержденная культурой Модерна модель человека. Светский, либеральный гуманизм, ведущий свою родословную от Гердера и просветителей, кардинально меняет акценты в отношении природы человека. Человек теперь не определяется ничем иным сверх себя и разворачивает свою идентичность из центра своей самости. Эта усеченная и убогая, с точки зрения традиционных религиозных систем, модель транслируется средствами массовой культуры — от СМИ и

¹² http://www.gazeta.ru/politics/2011/02/16_kz_3528006.shtml

МОРИНА Лариса Павловна / Larisa MORINA

| Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма |

систем образования до способов организации мира повседневности. Поэтому культурные меньшинства в условиях агрессивной «чуждости» среды компенсаторно замыкаются в себе ради сохранения собственной идентичности. По существу, несмотря на все апологетические тирады, модель мультикультурализма — это проект последовательной унификации; и в этом смысле она справедливо может быть квалифицирована как скрытая форма идеологической войны. Действительно, чтобы стать членом европейского сообщества, необходимо принять на деле (а не декларативно) требования либерализма, которые, в свою очередь, предполагают существенную корректировку отличающихся версий идентичности (по причине рассмотренной несовместимости принципов). В этом направлении работает также выявленная тенденция тотальной институализации в современной культуре, о которой шла речь в докладе автора на III Российском культурологическом конгрессе (27–29 октября 2010 г.). В свое время Г. Зиммель определил историю культуры как непрекращающийся конфликт стихии жизни с продуктами ее собственного творчества — материальными и отвердевшими формами духа. Институциональные кристаллы, рационалистические конструкции, утратившие сопричастность бытию, оказываются противопоставленными жизненному процессу.

«Вирус институализации» поражает все новые и новые сферы жизни современного общества, которые традиционно саморегулировались на основе имманентных норм. Так, например, запущенная программа Ювенальной Юстиции своим объективным результатом будет иметь разрушение традиционного типа семьи. На уровне законодательства в Европейском сообществе она утверждена и основательно институализирована, что позволяет рассматривать Ювенальную Юстицию как серьезный инструмент унифицирующего социокультурного программирования.

Таким образом, современный мультикультурный мир испытывает серьезные трудности в силу наличия противоречивых тенденций внутри него. Дальнейшая судьба идеи мультикультурализма будет зависеть от того, в какой степени интеллектуальное сообщество осмыслит неявные, но, на наш взгляд, исключительно значимые для социокультурной аналитики, парадигмальные основания тех или иных концептуализаций. Это, в свою очередь, позволит в пределах национального государства найти пути согласования достижений либеральных европейских ценностей с консервативными и плохо поддающимися ассимиляции традиционными идеологиями, которые были и остаются частью поликультурного мира.

